

ЗАДАЧИ РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ ШКОЛЫ ¹⁾.

Мм. Гг.!! При особенныхъ обстоятельствахъ вступаете вы въ академію. Въ прошедшій и текущій годъ Россія пережила много скорбей и горестей, и каждый русскій чело-вѣкъ много передумалъ и перечувствовалъ. Какія думы, какія чувства, желанія и надежды принесли вы съ собою въ академическія аудиторіи? Чего хотите вы отъ насъ—вашихъ преподавателей, чего хотите вы отъ академіи?

Вы избрали для довершенія вашего образованія высшую богословскую школу. Какою рисуется она Вамъ въ Вашихъ идеальныхъ представленіяхъ? Безъ сомнѣнія, каждый изъ Васъ слышалъ, какова она въ дѣйствительности, но какою хотѣли бы вы ее видѣть? Я считаю несомнѣнными два факта: 1) что ни въ одно высшее заведеніе земного шара не поступаютъ студенты съ лучшею подготовкою и въ общемъ лучшаго состава, чѣмъ въ русскія духовныя академіи и 2) что ни въ одну высшую школу не поступаютъ съ такою неохотою, какъ въ наши академіи. Ни для кого не секретъ, что личная склонность имѣетъ очень мало значенія въ опредѣленіи состава нашихъ курсовъ, къ намъ направляетъ традиція, нужда, отсутствіе смѣлости идти по незнакомымъ и новымъ путямъ. Личная склонность направляетъ къ намъ очень немногихъ, условія направляютъ къ намъ большинство. Замѣчу, что у большинства молодыхъ людей нѣтъ опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ склонностей, однако у русскаго большинства оказывается отрицательная склонность обходить духовныя академіи. Есть конечно общечеловѣче-

¹⁾ Вступительныя чтения по Введенію въ Богословіе.

ская причина для этого: двадцатилѣтній возрастъ изъ всѣхъ возрастовъ наименѣе склоненъ всецѣло отдать себя алтарю. Это естественно, и на западѣ богословскіе факультеты не могутъ похвалиться особеннымъ многочисленіемъ. Но за всѣмъ тѣмъ такого рѣзкаго стремленія въ сторону отъ богословія нѣтъ нигдѣ кромѣ Россіи. Все, что говорятъ о гнѣющемъ западѣ, безбожной Франціи, представляетъ совершенный вздоръ. На западѣ студенты теологи есть вообще то же самое, что и всякіе студенты; въ Россіи студенты духовной академіи и студенты инженернаго института котируются совершенно иначе на общественной биржѣ. И это не потому, что эти школы рисуютъ различныя матеріальныя перспективы: академія—гроши, институтъ—тысячи, нѣтъ, не потому только. Идеальная точка зрѣнія на высшую школу есть та, что она преподаетъ истину въ той мѣрѣ, въ какой она познана человѣчествомъ въ настоящемъ и указываетъ методы, какъ еще въ большей мѣрѣ овладѣть истиной въ будущемъ. Достоинство школъ молодежью оцѣнивается съ этой точки зрѣнія. Духовныя академіи занимаются вопросами о высшихъ истинахъ, повидимому онѣ наиболѣе должны были привлекать къ себѣ умы, и однако ихъ наиболѣе обходятъ. Очевидно, противъ нихъ что-то имѣютъ; хотятъ, чтобы онѣ были не такими, каковы онѣ теперь.

Чѣмъ онѣ должны быть? Какія задачи должна преслѣдовать высшая богословская школа въ Россіи и какъ ихъ осуществить? Курсъ Введенія въ богословіе естественно начинать съ вопроса о задачахъ богословской науки. Начиная работу, нужно конечно выяснить задачу работы. Но въ настоящемъ году вопросъ о задачахъ нашей школы является уже вопросомъ практической необходимости. Высшее церковное управленіе намѣтило радикальную церковную реформу, реформа въ такомъ случаѣ неизбежно должна коснуться и насъ. Не мы съ Вами будемъ производить ее, но намъ съ Вами нужно знать и представлять себя ясно, чѣмъ на самомъ дѣлѣ должна быть наша школа, чтобы быть полезной. Тогда она можетъ стать полезной и безъ общецерковной реформы, иначе она будетъ бесполезной или по крайней мѣрѣ мало полезной всегда.

Наша школа принимаетъ въ число своихъ студентовъ лишь тѣхъ, которые сознательно заявили, что они призна-

ють христіанство въ той формѣ, которая называется православною, совершенной истиной. Отсюда въ принципѣ ясна задача школы: она должна готовить дѣятелей для выясненія, обоснованія и развитія православной истины. Это—въ научномъ отношеніи. Но такъ какъ наука существуетъ для человѣка, а не человѣкъ для науки, то въ отношеніи практическомъ наша школа должна готовить дѣятелей для постепеннаго переустройства общественной жизни на православнохристіанскихъ началахъ. Православная истина должна быть фундаментомъ, на которомъ изъ членовъ, какъ изъ камней, созидалось бы стройное зданіе православной церкви.

Задачи очень широкія: познать истину и выполнить ее въ жизни. Задачи самыя благородныя, самыя возвышенныя, самыя прекрасныя!

Однако передъ этими задачами отступаютъ. Было бы клеветою на русскую молодежь сказать, что русское юношество не хочетъ служить идеальнымъ задачамъ, привыкло къ землѣ. Неправда. Идеальная настроенность русскаго юношества засвидѣтельствована множествомъ фактовъ, его готовность жертвовать собой ради вѣрныхъ или ошибочныхъ идей извѣстна всему міру. Не трудности задачи, не величіе подвиговъ отталкиваетъ юношество отъ дверей академіи, не духъ безвѣрія, о которомъ такъ много говорятъ и который, какъ духъ окрѣпшій и злой, внѣдренъ совсѣмъ не въ юношескихъ сердцахъ; отталкиваетъ отъ академіи многое иное.

Какъ то случилось, что на самомъ дѣлѣ великія задачи выяснить истину и воплощать ее въ жизни отодвинулись. Ихъ замѣнило лѣнливое и лукавое убѣжденіе, что истина познана и осуществлена. Катихизисъ м. Филарета и Догматическое богословіе м. Макарія были признаны книгами, изъ которыхъ нельзя ничего убавить и къ которымъ нельзя ничего прибавить. Ученіе о твореніи въ 6 дней, ученіе о мытарствахъ, и многія иныя ученія и просто сказанія были догматизированы. Выработавшійся историческими условіями церковный строй былъ канонизированъ. Временныя и случайныя соціальныя отношенія стали разсматриваться, какъ выраженіе божественнаго міропорядка.

Истина оказалась данной и воплощенной. Никакихъ под-

зиговъ не требуется отъ тѣхъ, кто поступить въ школу, гдѣ ее изучаютъ. Имъ вовсе не нужно чего нибудь искать, что нибудь открывать и возвѣщать міру, они должны только охранять существующія воззрѣнія, оправдывать установившіеся порядки. Въмѣсто великой роли пророковъ имъ даютъ скромную и сомнительную роль полицейскихъ. Охранять добро конечно задача почтенная, но охранять жизнь отъ развитія, отъ движенія, это—задача омертвенія, задача, за которую добрый умъ и чистое сердце могутъ браться лишь съ смущеніемъ и тревогой.

На самомъ дѣлѣ, намъ говорятъ, насъ увѣряютъ официально, что русскій народъ глубоко православенъ, неизмѣнно преданъ церкви, что онъ исторически воспитанъ на православіи. Все, что можемъ сдѣлать мы, это лишь охранять его отъ дурныхъ вліяній—отъ толстовщины, штунды, раскола, католичества. Я назвалъ задачу, возлагаемую на насъ полицейскою и сомнительною. Охранять—дѣло полицейское, но охранять то, что глубоко внѣдрено, что сидитъ крѣпко, повидимому, совѣмъ не нужно. Между тѣмъ оказывается, что этому самому народу, который исторически воспитался на православіи, достаточно вернуть 5—6 книжонокъ въ протестантскомъ или иномъ духѣ и онъ увлечется ими. И намъ предписываютъ охранять народъ отъ вредныхъ вліяній. Какъ же это такъ? А вотъ какъ. Въ дѣйствительности нашъ народъ ни на чемъ исторически не воспитался, у него нѣтъ глубокихъ и крѣпкихъ навыковъ, онъ православенъ въ значительной мѣрѣ потому, что не встрѣчался ни съ чѣмъ, кромѣ православія. Вы не можете быть послѣдователями религіи хинаяна или ріобу, если Вы о нихъ никогда не слыхали. Не можетъ русскій народъ принимать принциповъ лютеранства, если онъ не имѣетъ о нихъ никакого понятія. Но нужно идти дальше. Нашъ народъ вовсе не православенъ и не можетъ быть православенъ, потому что онъ не знаетъ основныхъ догматовъ религіи, не знаетъ ея существа: онъ знаетъ праздники, обряды, которые связаны съ важнѣйшими моментами его жизни, онъ молится, но молятся всѣ народы, и если бы тѣ, которые говорятъ, что русскій народъ православенъ, подслушали его молитвы, они порою можетъ быть возмутились бы, какъ нѣкогда по мусульманскому преданію возмутился Моисей молитвою пастуха. На сколько нашъ

народъ въ лицѣ самыхъ его благочестивыхъ членовъ понимаетъ не говорю: догматы, а—обряды, я могу привести такой примѣръ. Благочестивый и грамотный мужикъ говорилъ, что въ церкви вообще все хорошо, но не хорошо, что дьячки часто кричатъ: подай Господи. Вѣдь такая жадность. Ему объяснили, что дьячки просятъ не себѣ, и онъ немедленно понялъ, въ чемъ дѣло. Но вѣдь, несомнѣнно, что у него имѣются еще тысячи невѣрныхъ представленій и что у многихъ ихъ еще больше, чѣмъ у него. Для того, что бы православіе было внѣдрено, нужно, чтобы его ктонибудь внѣдрялъ но никто не внѣдрялъ его въ сердца русскаго народа. И оно не внѣдрено. Однимъ изъ доказательствъ этого является легкость, съ которой на Руси дѣти порываютъ съ вѣрою отцовъ. Гимназисты, кадеты, реалисты—въ общемъ вѣрующій народъ, но какъ легко, ставъ студентами, они перестаютъ вѣровать. Безболѣзненно и мирно переходятъ они отъ вѣры къ безвѣрію. Почему? потому что на самомъ дѣлѣ никакой вѣры—я говорю не о всѣхъ, я могу указать отрядныя исключенія—никакой вѣры въ нихъ внѣдрено не было. Кончившіе семинарію и потомъ порывающіе съ вѣрою, это—явленіе иного порядка, тамъ процессъ не такъ легко и спокоенъ, потому что религія тамъ проникла уже глубже въ сердце юноши. Возьмите нашихъ купцовъ. Отцы служили и Богу и золотому тельцу, но дѣти обыкновенно имѣютъ своимъ богомъ только втораго, вмѣсто перваго они предпочитаютъ имѣть дѣло съ благами культуры. Мнѣ думается, что вообще у русскихъ людей мало историческихъ навыковъ. Посмотрите на русскихъ живущихъ за границей. Необыкновенно быстро усваиваютъ они образъ жизни окружающей среды. Говорятъ, русскіе любятъ чай. Очень легко они расстаются съ чаемъ. Возвратите Вы англизированнаго или аллеманированнаго русскаго съ запада, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять превратится въ истинно русскаго человѣка. Скажутъ, что англоманство было напускнымъ. Нѣтъ, все въ русскомъ еще не укоренилось глубоко и горевать объ этомъ нечего, ибо легкая воспримчивость ко всему есть условіе и для воспримчивости къ доброду. Несомнѣнно, если русскаго человѣка поставить въ хорошія условія изъ него выйдетъ хорошій человѣкъ, но въ большинствѣ слу-

чаевъ весьма сомнительно, чтобы поставленный въ дурныя условія, онъ могъ противостать имъ.

Говорять о великомъ благочестіи нашихъ предковъ. Дѣйствительно, Русь знаетъ великихъ подвижниковъ, и въ стѣнахъ обители одного изъ величайшихъ среди нихъ пріютилась наша академія. Но не изъ однихъ подвижниковъ состояла Россія. Нужно помнить, что въ тѣ времена, когда подвижники уходили въ лѣса молиться о себѣ и о грѣхахъ міра, на каждого подвижника приходилось добрымъ счетомъ по 10—15 большихъ разбойничьихъ шаекъ. Пытки, казни, существовавшія на Руси въ прошедшемъ, говорятъ о томъ, что духъ христіанства мало проникалъ въ общество. Говорятъ, что чрезвычайное развитіе обрядности, любовь къ богослуженію нашихъ предковъ свидѣлствуютъ о ихъ глубокомъ благочестіи и ихъ религіозности. Но церковь, вѣдь, была единственнымъ мѣстомъ развлеченія. Нужно помнить, что обрядовыя повелѣнія принимались безъ критики и безъ размысленія. Тотъ же человѣкъ, который не ѣлъ въ постъ мяса, не видѣлъ ничего преступнаго въ томъ, чтобы въ постъ проливать человѣческую кровь. Сердечное, внутреннее проникновеніе обряда въ сердце человѣка выражается въ томъ, что человѣкъ становится мягкимъ, любящимъ, кроткимъ. Этой черты нѣтъ въ древней Руси. Ея принципъ — суровость. Въ домостроѣ выразились идеалы культурнѣйшихъ русскихъ людей, и ничего эти культурнѣйшіе люди не сумѣли предложить лучшаго древне-русскому мужу въ его отношеніяхъ къ женѣ, какъ „въжливенько постегать ее плетью“. Религіозный духъ царившій въ древней Руси былъ духомъ суроваго покаянія, каждый русскій разсматривалъ себя и другихъ, какъ окаянныхъ, надеждъ на милосердіе и милость открывалась очень мало, свѣтъ и тепло евангельскаго солнца мало освѣщали и согрѣвали суровую русскую дѣйствительность и это до послѣдняго времени.

Съ какимъ бы почтеніемъ кто ни относился къ катихизису м. Филарета но во всякомъ случаѣ каждый долженъ признать, что въ трактатѣ катихизиса о любви (въ который почему то подведены ветхозавѣтныя заповѣди) совершенно тщетно искать голоса любви. Здѣсь слышится голосъ суроваго судин и мздовоздателя. Каждое явленіе имѣетъ свою причину, и

этотъ суровый и жестокій духъ, въ которомъ воспитывались русскія поколѣнія, имѣеть тоже для себя историческія причины. Но нельзя вѣчно жить этимъ духомъ — духомъ рабства. Покаяніе необходимо, но нельзя каяться цѣлую жизнь, такое покаяніе невозможно психологически и оно приведетъ къ безумію и отчаянію, а не ко спасенію. Недаромъ вѣдь отчаяніе считается смертнымъ грѣхомъ, который никогда не возникаетъ безъ дѣятельнаго участія діавола. Благочестивые старцы новаго времени являются людьми иного типа. Преподобн. Серафимъ, не такъ давно почившій старецъ Амвросій не говорили съ приходившими къ нимъ цитатами изъ Филарета; простота, любовь, милая шутка постоянно допускались ими. Они отмѣнили суровое иго закона и вмѣсто него стали внушать и вселять благодатный духъ любви. Скажутъ можетъ быть, что препод. Серафимъ, Амвросій никогда не шли противъ того, что утверждали Филаретъ или Макарій; совершенно вѣрно, порядокъ и законъ должны быть, они должны охранять благополучіе, порождаемое любовью, но они не должны изгонять любви. Можно вмѣсто любви насадить порядокъ; благолѣпіе останется, но жизнь отлетитъ.

Но если нельзя каяться всю жизнь, то за то можно всю жизнь имѣть видъ, кающагося. Можно имѣть очи долу и дѣлать видъ, что имѣешь горѣ сердце. А такъ какъ такой образъ поведенія одобрялся, то онъ и сталъ обычнымъ. Люди, наблюдавшіе это явленіе сверху и видѣвшіе лишь его поверхность и пришли къ заключенію, что русскій человѣкъ глубоко благочестивъ, преисполненъ смиренія, богоносець. Люди высшаго ранга любятъ иногда побесѣдовать съ простымъ русскимъ человѣкомъ, пришедшимъ поарендовать землицы, купить на сводъ рожицу, и обыкновенно люди высшаго ранга изъ бесѣды съ простымъ русскимъ человѣкомъ выносили удивленіе къ ясности его ума, здравости его сужденій и высказывали самыя горячія похвалы простому здравому русскому смыслу. Но очень часто потому дѣятельность простеца съ здравымъ русскимъ смысломъ въ качествѣ арендатора или покупателя рожи заставляла людей высшаго ранга звать его просто мошенникомъ. Дѣло въ томъ, что вся суть здраваго смысла простого русскаго человѣка въ сношеніи съ высшими сводится къ искусству аккомодаци. Ояъ

видить, какія сужденія и какіе отвѣты отъ него желаютъ получить, такіе и даетъ. Онъ знаетъ, что если онъ будетъ говорить то, что дѣйствительно думаетъ, его не только не послушаютъ, но онъ понесетъ личный ущербъ, и онъ говоритъ въ тонъ своему болѣе или менѣе высокому собесѣднику, и высокій собесѣдникъ радуется, находя подтвержденіе своимъ предположеніямъ о народѣ и его нуждахъ, онъ не замѣчаетъ только того, что находитъ эти подтвержденія лишь потому, что самъ влагаетъ ихъ въ уста того, кто ему отвѣчаетъ.

Русскіе люди любятъ ходить по монастырямъ, но вѣдь, и японцы любятъ совершать пономничества въ имѣющіеся у нихъ буддійскіе монастыри. Было бы рискованно однако изъ этого дѣлать какія бы то ни было заключенія о религіозности японцевъ. Съ чѣмъ идетъ русскій человѣкъ къ монастырю и что онъ выносить оттуда? Многіе ли старались узнать это. Когда весной наша лавра наполняется темными пилигримами съ недоумѣніемъ и благочестивымъ интересомъ смотрящими на колодцы, зданія, церкви, благоговѣнно крестящимися у мощей имъ невѣдомыхъ подвижниковъ, когда нѣкоторые изъ нихъ въ простотѣ сердца высказываютъ удивленіе, что все это настроилъ онъ одинъ батюшка Сергій, тогда невольно вспоминается евангельское повѣствованіе о томъ, какъ Іисусъ, увидѣвъ собравшіяся къ нему толпы народа, сжалился надъ ними, потому что они были какъ овцы неимѣющія пастыря. Овцы, приходящія къ Сергію, на Валаамъ, въ Соловки, къ кіевопечерскимъ угодникамъ, имѣютъ сильную нужду въ пастыряхъ. Но чтобы быть имъ добрыми пастырями, а тѣмъ болѣе, чтобы готовить имъ пастырей, нужно напередъ узнать ихъ самихъ—ихъ религію, ихъ идеалы. Несомнѣнно, они имѣютъ религію. Домашній религіозный культъ въ русскихъ деревняхъ въ большей части справляется бабами. Этотъ культъ имѣетъ очень отдаленную связь съ христіанскими обрядами и очень близкое родство съ инородческимъ язычествомъ. Деревенскіе люди съ простымъ русскимъ здравымъ смысломъ не изложатъ этого своего синкретическаго credo своему священнику, а если самъ священникъ узнаетъ что либо объ этомъ и станетъ говорить имъ, они будутъ поддакивать: конечно, темнота наша, невѣжество, но будутъ продолжать дѣлать по своему.

Я не претендую на то, чтобы дать религиозную характеристику русскаго народа, эта задача для меня невозможна и невыполнима. Я хочу только установить нѣсколько положеній, которыя мнѣ кажутся важными въ вопросѣ о религиозномъ воспитаніи нашего народа. 1) официальная характеристика нашего народа какъ глубоко православнаго не выдерживаетъ никакой критики, 2) хорошіе пастыри могутъ сдѣлать русскій народъ дѣйствительно православнымъ, 3) однимъ изъ условій для достиженія этой цѣли должно служить дѣйствительное знаніе народа.

Но этимъ народомъ доселѣ у насъ занимались лишь этнографы, фольклористы, беллетристы. Печально, но несомнѣнно, что тѣ, на комъ лежитъ забота о духовной судьбѣ народа, не занимались изученіемъ его совсѣмъ и если бы они стали заниматься, то на первыхъ же порахъ они получили бы въ своихъ наблюденіяхъ, что благочестіе благочестивыхъ и хорошихъ людей сильно уклоняется отъ той нормы, которую курсы богословія считаютъ безусловно необходимою для спасенія. Я укажу нѣсколько подмѣченныхъ мною чертъ ихъ вѣры. Они не формулируютъ своего исповѣданія, я не умѣю обойтись безъ формулы и потому опредѣляю ихъ вѣру такъ: они твердо вѣрятъ въ святость и чудотворность церкви, но они отрицаютъ ея непогрѣшимость. Господь непрестанно промышляетъ, святые непрестанно помогаютъ людямъ, нужно жить по установленнымъ церковнымъ уставамъ, нужно молиться, помогать бѣднымъ, не нужно дѣлать ничего нехорошаго; къ этимъ общимъ правиламъ присоединяются нѣкоторыя въ различныхъ мѣстностяхъ различныя и сомнительныя: въ зубныхъ болѣзняхъ нужно обращаться къ Антипѣ, въ болѣзняхъ вообще къ Пантелеймону, во время боя часовъ читать Богородицу, нельзя купаться 20 іюля и т. д. Эти мѣстныя суевѣрія конечно представляютъ неважный придатокъ къ чистой искренней вѣрѣ, такихъ суевѣрій очень много, но—повторяю—они не важны. Важно иное. Важно, что тѣ же самыя лица, которыя съ безусловнымъ благоговѣніемъ повергаются предъ иконою, считаемою ими чудотворною, тѣ же лица съ безусловнымъ критицизмомъ относятся къ священнослужителямъ и допускаютъ самую беспощадную критику Свящ. Писанія. Вѣря въ таинства совершаемыя священниками, они не идеализируютъ

священниковъ. Вѣря во Христа, они свободно разсуждаютъ, что не все ладно занесено въ Библию, что многое изъ нея слѣдовало бы выбросить. Я постарался выяснитъ, что хотять подвергнуть остракизму эти добрые люди, и оказалось, что ветхій завѣтъ не вызываетъ ихъ симпатій Пѣснь пѣсней по ихъ соображеніямъ должна была быть выброшена, и отдѣлы аналогичныя пѣсни пѣсней. Я думалъ, что дѣло ограничивается только ветхимъ завѣтомъ. Нѣтъ, начало 16-ой главы Евангелія отъ Луки, т. е. притча о неправедномъ домоправителѣ тоже, по ихъ мнѣнію, напрасно вставлена въ повѣствованіе о Христѣ. Ясно, какою мѣркою измѣряется Библия. То, что въ ней сообщается чудеснаго, не отрицается, но принимается съ вѣрою и благоговѣніемъ; то, что въ ней сообщается трогательнаго и наставительнаго, усвоится съ умиленіемъ, но то, что въ библейскомъ повѣствованіи кажется несоотвѣтствующимъ нравственному идеалу, то отвергается. Оцѣниваются священныя книги еще и по другому принципу— по принципу ихъ древности. Въ подтвержденіе правильности своей мысли я сослался на книгу Бытія одному лицу, глубокая религіозность котораго для меня была внѣ всякаго сомнѣнія, и я услышалъ въ отвѣтъ: „я не вѣрю этой книгѣ, потому что она очень старая“. Раціоналисты хотять подорвать авторитетъ священныхъ книгъ, доказывая, что они не стары, а у насъ наоборотъ старость лишаетъ авторитета, можетъ быть потому, что у насъ историческія условія вообще мало содѣйствовали усвоенію пятой заповѣди. Принципъ вѣры такимъ образомъ у многихъ нашихъ истинно русскихъ и глубоко благочестивыхъ людей въ сущности старопротестантскій. Библия—для нихъ книга о дѣлахъ Божіихъ написанная людьми и потому заключающая въ себѣ человѣческія погрѣшности. Не чудеса смущаютъ ихъ въ Библии, чудеса для нихъ также возможны и дѣйствительны, какъ и самыя обыкновенныя событія. Чудеса отрицаетъ обыкновенно узкій опытъ. Чѣмъ больше однообразія встрѣчаетъ человѣкъ въ своей жизни, тѣмъ меньше онъ вѣритъ въ существованіе разнообразія. Узкій, но постоянный опытъ углубляетъ познанія человѣка въ той сферѣ, въ которой онъ производится, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постепенно дѣлаетъ для человѣка недопустимымъ существованіе иныхъ формъ жизни и явленій внѣ этого опыта. До такого оскотленія ума не дошли

наши вѣрующіе люди. Они знаютъ, что бытіе многообразно и мы знаемъ о существующемъ очень немногое. Единственное основаніе для отрицанія чудесъ таково: „я ихъ не видалъ, слѣдовательно ихъ не существуетъ“, это основаніе по весьма основательной причинѣ не принимается ими. Отсюда къ описанію чуда они относятся такъ, какъ вообще относятся къ какому либо историческому описанію или сообщенію о фактѣ, оно можетъ быть и правдивымъ и ложнымъ. Русскіе люди вѣрятъ въ чудеса, въ божественное промысленіе, но не трудно видѣть, что при всемъ смиреніи и при всей глубинѣ ихъ вѣры, у нихъ, какъ и у протестантовъ есть нѣчто, что легко и безъ революціи можетъ сдѣлать ихъ вѣру совершенно рационалистическою и безсодержательною. У нихъ нѣтъ общаго обязательнаго для нихъ критерія. Каждый изъ нихъ канонизируетъ одни отдѣлы Библии и элиминируетъ другіе по собственному усмотрѣнію. У каждого свой канонъ. Но если такъ, то разъ отцы достоинство священныхъ книгъ опредѣляютъ своею нравственною нормою, дѣти будутъ оцѣнивать ихъ своею научною нормою, и тогда, что сохранили въ Библии отцы, то выбросятъ изъ нея дѣти. Что же останется тогда? Я думаю, что до этого никогда не дойдетъ, но я приводимыми мною фактами хотѣлъ не представить основанія для заключеній о будущемъ, а показать, что и глубокая и чистая вѣра русскихъ людей утверждается не на такомъ непоколебимомъ фундаментѣ, чтобы быть совершенно беззаботнымъ относительно будущихъ судьбъ православія въ Россіи.

Я уже говорилъ объ обстоятельствахъ, которае сильно подрываетъ теорію богоизбранности и преимущественной религіозности русскаго народа и которое должно смущать всѣхъ, кому дорого православіе этого народа. Это—распространеніе невѣрія въ нашемъ образованномъ обществѣ. Тѣ самые люди, которые идеализируютъ религіозность нашего народа, называютъ нашу интеллигенцію безбожною. Тѣмъ самымъ они свидѣтельствуютъ противъ самихъ себя. Интеллигенты—дѣти народа, и если дѣти такъ легко отрекаются отъ вѣры, то значить и у отцовъ она была не тверда. Но къ счастью, это неправда. Безбожіе интеллигенціи, это — преувеличеніе, но несомнѣнно, что русское образованное общество есть наименѣе религіозное изъ всѣхъ образованныхъ обществъ въ мірѣ.

Нигдѣ религія и образованіе не разошлись такъ далеко между собою, какъ въ Россіи. Этотъ печальный фактъ находитъ себѣ официальное выраженіе въ томъ, что въ русскихъ университетахъ нѣтъ богословскихъ факультетовъ. Университетъ по идеѣ есть учрежденіе, гдѣ должны изучаться *omnia divina humanaque*, гдѣ студентъ долженъ имѣть возможность узнать все, что знаютъ и думаютъ лучшіе и свѣдущіе люди о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ. Но у насъ университетъ не изучаетъ того, что думаютъ люди о Богѣ. Въ факультетскія каѳедры богословія, ставящія профессоровъ богословія въ какое то двухсмысленное положеніе, не могутъ помочь дѣлу. Богословскій факультетъ совсѣмъ иное. Тамъ студенты явились бы миссіонерами среди своихъ товарищей съ другихъ факультетовъ. Пусть они толковали бы вкривъ и вкось, они непременно бы толковали и къ фактамъ религіозности и къ различнымъ формамъ вѣры они научились бы относиться съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ теперь. У насъ отсутствіе богословскихъ факультетовъ и сообщеніе какого то полицейскаго характера каѳедрамъ богословія въ высшихъ свѣтскихъ заведеніяхъ—два факта, отзывающіеся весьма невыгодно на душевной настроенности нашего молодого поколѣнія. Они не находятъ удовлетворенія своей духовной жаждѣ, своимъ запросамъ а полицейскій характеръ требованій объ отмѣткѣ по богословію подбиваетъ ихъ стать въ оппозицію къ этому богословію. Есть много и другихъ причинъ, которыя заставляютъ наше молодое поколѣніе бравировать своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи. Позднѣе рѣзкость отрицаній смягчится, но обратиться къ религіи за множествомъ дѣлъ и житейскихъ заботъ будетъ нѣкогда, и человѣкъ останется практическимъ атеистомъ до могилы.

Я не хочу сказать, что русскій народъ нерелигіозенъ по своему существу, что русскій народъ—нерелигіозная нація, что въ будущемъ религія будетъ занимать еще меньше мѣсто въ обиходѣ русскаго человѣка, чѣмъ какое занимаетъ теперь. Мое личное изученіе и мое личное убѣжденіе таково, что нѣтъ атеистическихъ націй, какъ нѣтъ націй безчестныхъ, какъ нѣтъ въ настоящее время и богоизбраннаго народа. Въ каждомъ народѣ есть боящіеся Бога и неправды и трудно установить статистическую точность въ сферѣ морали и опре-

дѣлать, въ какомъ народѣ больше и въ какомъ меньше лицъ имѣютъ право на царство небесное. Если нѣкогда пророкъ глубоко ошибся въ нравственной оцѣнкѣ израиля, то мы конечно не можемъ претендовать на то, что понимаемъ дѣло лучше пророка. Однако позволительно думать, что религіозность и добродѣтель не даются народу свыше и даромъ, а должны приобрѣтаться собственными усилиями. Прилагалъ ли русскій народъ усилия, чтобы усовершенствоваться въ религіозности и добрѣ? Вопросъ относится не къ отдѣльнымъ подвижникамъ, которые были у насъ всегда, а къ массамъ. Несомнѣнно, массы жили изо дня въ день и очень трудно доказать, что русскія массы прикладывали болѣе стараній и усилій въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія, чѣмъ французы, нѣмцы или англичане. Говорятъ о терпѣннн и страданіяхъ русскаго народа. Его называютъ многострадальнымъ. Безъ сомнѣнія, русскій народъ терпѣлъ много, терпѣлъ въ борьбѣ съ суровой природой, съ татарами съ лихими людьми. Но страданія сами по себѣ еще не даютъ права на вѣнецъ. Важны цѣли и результаты страданій. Русскіе люди отъ неурожаевъ, половцевъ и татаръ страдали не добровольно и испытываемыя ими страданія далеко не всегда давали добрые результаты. Жителямъ Лапландіи или Патагоніи несомнѣнно живется гораздо хуже, чѣмъ жителямъ Великороссіи, однако мы не считаемъ лапландцевъ и патагонцевъ заслуживающими мученическихъ вѣнцовъ, не можемъ претендовать на нихъ и русскій народъ. Говорятъ о какой то высокой исторической миссіи русскаго народа, о предызбраніи Богомъ народа къ великой цѣли. Однако, въ прошедшемъ, по мнѣнію самихъ сторонниковъ теоріи, миссія русскаго народа сводилась къ тому, что онъ отражалъ восточныхъ варваровъ и давалъ возможность на западѣ развиваться наукамъ и искусствамъ. Но вѣдь, непереходимый океанъ, высокія горныя цѣпи, зараженныя болота могли бы гораздо лучше служить этой миссіи отраженія, чѣмъ русскій народъ. Для того, чтобы служить физической преградой, не нужно имѣть нравственныхъ силъ.

Говорятъ о высокой религіозно-нравственной миссіи русскаго народа въ будущемъ. Я думаю, что каждый долженъ жить вѣрою, что онъ предназначенъ стать камнемъ въ томъ живомъ храмѣ, который представляетъ собою идущая интел-

лектуально и морально впередъ лучшая часть человѣчества. Этой вѣрой нужно жить и во имя этой вѣры должно дѣйствовать. Но эта вѣра не только не исключаетъ предположенія, напротивъ она является разумною только при предположеніи, что и другіе люди предназначены къ высокой цѣли. Представленіе, что русскій народъ есть религиозно-нравственный авангардъ человѣчества, абсолютно недопустимо для людей запада. Но я, признаюсь, совершенно не понимаю, на чемъ утверждается оно у русскихъ людей. Какому избраннику Божію открылъ Богъ, что онъ ввѣряетъ русскому народу истину и даетъ ему миссію воплотить ее въ человѣчество?

Говорятъ, православіе—истина, и православіемъ владѣетъ русскій народъ. Да, православіе есть истина. Въ этомъ завѣряетъ вѣрующаго нравственная сила православія и въ этомъ завѣряетъ, могу прибавить, лично меня, какъ ученаго, объективное изслѣдованіе. Но и изслѣдованіе и благодатное воздѣйствіе православія не оставляютъ мѣста для сомнѣнія. Великое дѣло составленія православнаго исповѣданія, совершившееся въ эпоху вселенскихъ соборовъ, совершилось безъ участія русскаго народа. Пусть сѣмена христіанства были посеяны на русской равнинѣ въ самыя первыя времена христіанства, пусть правъ Иванъ IV, утверждавшій, что мы приняли христіанство не отъ грековъ, а отъ апостоловъ (въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ несомнѣнно правъ), во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ великую эпоху плодотворной дѣятельности церкви русская равнина не подавала и не оставила признаковъ духовной жизни.

И въ настоящее время русскій народъ православенъ—не одинъ и православенъ не вполне. Я говорю: православенъ не вполне: вѣдь, и безбожная интеллигенція, на которую обрушиваются многіе вѣрующіе,—русская, однако ее нельзя назвать православной, есть у насъ сознательно и бессознательно отступающіе отъ православія. Не будучи всецѣло православнымъ, русскій народъ и не одинъ владѣетъ православной истиной. Матеріально онъ, правда, самый сильный изъ православныхъ народовъ, но мѣрку матеріальной силы непозволительно прилагать къ духовнымъ вещамъ. Однако для всякаго считающаго православіе истиной пребываніе въ православной церкви есть величайшее благо и величай-

шее преимущество. Поэтому всякій истинно православный долженъ признавать, что русскій народъ въ своей православной части владѣтъ великимъ преимуществомъ предъ неправославными народами. Быть православнымъ значитъ владѣтъ великимъ богатствомъ, но что значитъ быть православнымъ? Въ двухъ смыслахъ можно употреблять это выраженіе: 1) быть православнымъ значитъ жить православной истиной, значитъ чувствовать себя въ живой связи съ Богомъ чрезъ посредство православной церкви. Это чувство естественное въ великихъ подвижникахъ доступно и обыкновеннымъ людямъ Грѣхъ не уничтожаетъ еще совѣмъ связи съ Богомъ. каждый вѣрующій переживаетъ въ лучшія минуты своей жизни чувства умиленія, благоговѣнія, благодарности за милости полученныя незаслуженно. Быть православнымъ въ дѣйствительномъ смыслѣ значитъ безусловно не имѣть самоиѣнія. Не скажетъ православный: „для насъ законъ, у насъ пророки“, онъ знаетъ, что получилъ безмѣрныя милости туне, онъ получилъ мину, но это возлагаетъ на него безмѣрныя обязанности, а не даетъ поводовъ къ легкомысленной кичливости. 2) Быть православнымъ въ другомъ смыслѣ значитъ признавать православное исповѣданіе истиной. Это—православіе теоретическое. Оно заключаетъ въ себѣ великія обязанности по отношенію къ самому себѣ и ближнимъ, но оно еще не утверждаетъ въ увѣренности получить вѣнецъ. Напротивъ православный теоретически и не поднявшійся до православія практическаго, до того, чтобы сдѣлать православіе своею жизнію, это въ сущности рабъ, который знаетъ волю господина и не исполняетъ ее. О такомъ рабѣ сказано, что онъ будетъ битъ много. Вотъ его преимущество.

Въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ православенъ русскій народъ? Можно ли утверждать напередъ, что онъ есть сосудъ совершенно достойный того святого содержимаго именуемаго православной вѣрой, которое ему дано?

Мы не имѣемъ права, мы не смѣемъ сказать ничего подобнаго. Если нѣкогда виноградникъ былъ отнятъ хозяиномъ у однихъ виноградарей и переданъ другимъ, какъ можемъ говорить мы, что мы—виноградари вполне достойные, и виноградникъ никогда не будетъ отнятъ отъ насъ? Если православіе есть истина, и мы, принимая православіе, прини-

маемъ истину, то нужно всегда знать, что истина есть прежде всего обязанность, а потомъ—право. Мы должны стремиться осуществлять истину въ жизни и привлекать къ ней другихъ. Можно быть въ истинѣ и не быть въ правдѣ. Не смотря на всю простоту и ясность разсужденій Писанія о великой отвѣтственности лицъ знающихъ и не исполняющихъ волю господина обычная психологія и обычное право устанавливають обыкновенно совсѣмъ другія положенія. У насъ полученіе однихъ преимуществъ обыкновенно влечетъ требованіе другихъ. Но не хвастать должны мы, что мы—избранный родъ, а напрягать всѣ свои силы къ тому, чтобы стать достойными быть родомъ избраннымъ. Родъ избранный есть тотъ, который пребываетъ въ истинѣ и осуществляетъ ее въ правдѣ. Задача нашей школы состоитъ въ томъ, чтобы изложить, выяснить и обосновать православно-религіозную истину и указать пути ведущіе къ ея осуществленію. Но горе школы заключалось въ томъ, что установилось убѣжденіе очень часто поставлявшееся школѣ къ руководству, что школа должна не искать рѣшенія задачи, а только защищать во всемъ объемѣ ея исторически сложившееся рѣшеніе. Такое положеніе школы дѣлало ее крайне непривлекательной для тѣхъ, кто только искалъ истины, но не былъ еще увѣренъ въ ней. Исканіе истины необходимо требуетъ свободы предположеній, свободы гипотезъ. Такой свободѣ совсѣмъ не хотѣли давать мѣста. Такое положеніе школы, позволяемъ себѣ думать, печально отражалось на русскомъ обществѣ. Вѣдь, безбожіе интеллигенціи не есть грѣхъ, въ которомъ виновата только эта интеллигенція. Вѣдь у этой безбожной интеллигенціи, по мысли защитниковъ идеализирующихъ доброе старое время, были вѣрующіе отцы и матери, отцы духовные, законоучители. Какъ же всѣ эти добрыя вліянія разсѣялись и исчезли, и духъ лжи такъ легко привлекъ къ себѣ образованнѣйшее общество, которое, надо замѣтить, по всей вѣроятности сѣмъветъ повлечь за собой и слои менѣе образованные? Какъ это случилось? Какъ проглядѣли это блюстители вѣры? Вѣдь, люди отпадающіе отъ церкви—наши братья. Неужели о какомъ-либо изъ таковыхъ каждому изъ насъ не будетъ предложенъ вопросъ: „гдѣ братъ твой?“ и неужели каждый изъ насъ думаетъ отдѣлаться отвѣтомъ: „развѣ я сторожъ брату моему?“ Каждый, думаю, можетъ привести

массу разсказовъ и изъ личной жизни и затѣмъ такыя можно привести и изъ литературы, какъ нѣкоторыя прежде, чѣмъ отпасть, обращались съ сомнѣніями и недоумѣніями, но отъ смущающихся жестоко требовали, чтобы они принимали исторически сложившееся въ Россіи пониманіе христіанства во всѣхъ его деталяхъ, ибо ни одна іота не должна перейти въ законъ. Для смущающихся это оказывалось непосильнымъ. Имъ не оказывали послабленій, и они оставляли церковь совсѣмъ. Ни одна іота конечно не должна перейти въ законъ. Но во-первыхъ, если можно снисходительно относиться къ нѣкоторымъ грѣхамъ, то почему нельзя снисходить къ нѣкоторымъ грѣхамъ религіознаго пониманія. Апостоль Павелъ говорилъ, что должно оказывать снисхожденіе немощной совѣсти братьевъ. Во-вторыхъ— не только іоты, а и нѣчто гораздо большее, чѣмъ іоты, могли привести въ законъ мы сами, и тогда уже не тѣ будутъ виноваты, которые не носятъ этихъ бремени тяжелыхъ и неудобноносимыхъ, а мы, которые требуемъ, чтобы носили эти бремена.

Задача нашей школы должна состоять не въ томъ, чтобы защищать весь исторически сложившійся церковно-религіозный укладъ нашей жизни, а въ томъ, чтобы, всегда храня вѣчныя догматическія истины, усвоить и поддерживать доброе выработанное исторією и отметить тѣ плевелы, которые неминуемо влетаетъ жизнь міра, (ибо міръ во злѣ дежитъ) въ самыя идеальныя дѣла, въ самыя свѣтлыя ученія. Задача нашей школы должна состоять въ томъ, чтобы, изучая все, что создается лучшаго человѣческой мыслию и жизнью, анализируя и оцѣнивая это, отыскивать и указывать новыя и лучшія формы религіозно-православной жизни, освѣщать возможно все болѣе и болѣе яснымъ свѣтомъ великія истины Христа, указывать лучшіе пути ведущіе къ нему. Школа, конечно, будетъ предлагать ихъ, руководясь соображеніями теоретическими. Но опытъ будетъ провѣрять ихъ. Вѣдь, всякій новый законъ всякая программа диктуются теорією, иначе они не новы, а стары, они строятся на основаніи теоретическихъ выводовъ изъ опытныхъ данныхъ, но нужно, чтобы созданіемъ ихъ руководила мысль опытная, ученая и дисциплинированная, а не слѣпой произволь и не узкое самомнѣніе.

Историческія условія привели насъ къ крайности противоположной той, къ которой пришли западные христіане разныхъ исповѣданій за исключеніемъ римско-католическаго. У насъ частныя мнѣнія превращались въ догматы, тамъ догматы разрѣшались въ частныя мнѣнія. Ни того, ни другого не должно быть, и задача русской богословской школы состоитъ въ томъ, чтобы выработать *credo* обязательное, но не произвольное.

Печальная крайность, въ которую впалъ западъ, особенно рѣзко бросилась мнѣ въ глаза нынѣшнемъ лѣтомъ, часть котораго я провелъ въ Англіи и часть во Франціи. Мнѣ думается, что англичане самый религіозный народъ въ мірѣ, поэтому проявленія и различныя формы религіозности наблюдать тамъ всегда легко и удобно. Во Франціи въ этомъ году происходитъ религіозное броженіе, тамъ состоялось рѣшеніе объ отдѣленіи церкви отъ государства, поэтому и тамъ религія, представители которой считаютъ себя преслѣдуемыми, проявляетъ себя болѣе громко, чѣмъ въ другое время. Въ Англіи мнѣ пришлось видѣть различныя церкви, даже англиканскій монастырь въ Оксфордѣ, тамъ есть церкви очень похожія на католическія и наши, и есть церкви представляющія собою простое зало даже безъ изображенія креста. Оффиціальное исповѣданіе вѣры у всѣхъ одно, но несомнѣнно различіе въ религіозныхъ дѣйствіяхъ и поведеніе таково, что оно возможно лишь при различіи принциповъ. Ясно, что оффиціальное исповѣданіе на самомъ дѣлѣ не признается обязательнымъ. Подъ нимъ даютъ свою подпись, но ему не отдають свою душу. Въ одномъ французскомъ городѣ, я неожиданно увидѣлъ на церковной кафедрѣ въ протестантской церкви профессора мною лично весьма уважаемаго, какъ ученаго. Онъ совершалъ богослуженіе, молился Христу, какъ Богу, но въ своихъ сочиненіяхъ онъ видитъ во Христѣ челоуѣка не сотворившаго ни одного чуда, который былъ распятъ, умеръ, погребенъ, но не воскресалъ и не возносился. Я ознакомился съ ритуаломъ французскихъ протестантовъ. Оказалось, онъ выработанъ протестантскимъ синодомъ недавно, въ общемъ подъ исповѣданіемъ вѣры содержащимся въ немъ безъ колебаній можетъ подписаться и православный, такъ какъ тамъ не оспариваются специально православныя воззрѣнія, но изла-

гается ученіе, составляющее существо и православія-православное ученіе о троичности, о лицѣ Иисуса Христа, о его земной жизни. Я знаю, что лица составлявшія этотъ ритуаль молитвъ и пѣснопѣній не вѣрятъ тому, что въ нихъ утверждается. Но эти лица, я знаю, честны, по своему благочестивы, они вѣрятъ въ Бога, въ безсмертіе человѣческой души, въ мздовоздаяніе, очевидно, для нихъ христіанское исповѣданіе, христіанское; вѣроученіе (другое дѣло—нравоученіе) только не имѣющая значенія форма. Отсюда открывается, что тамъ на западѣ между людьми оффиціально принимаемыми одно и тоже исповѣданіе вѣры часто на самомъ дѣлѣ нѣтъ религіознаго единенія. У насъ поднимаются вопросы о соединеніи съ нѣкоторыми религіозными общинами запада. Но съ чѣмъ мы будемъ соединяться—съ бумагой или съ людьми? Съ бумагой соединиться легко—и ортодоксально-лютеранское исповѣданіе и тѣмъ болѣе англиканское и еще болѣе старокатолическое приближаются къ православію, но имѣютъ ли эти исповѣданія обязательную силу для лицъ къ нимъ принадлежащихъ, такъ ли они относятся къ своимъ символамъ, какъ мы къ своимъ или иначе? Многіе безъ сомнѣнія относятся къ своимъ исповѣданіямъ, какъ и мы, но другіе относятся иначе: для нихъ нѣтъ общеобязательнаго догмата; изъ своего исповѣданія они принимаютъ какъ истину то, что лично имъ кажется истиннымъ, и безъ колебанія и смущенія отбрасываютъ то, что представляется непонятнымъ для ихъ разума или несогласнымъ съ нимъ. Такое свободное отношеніе къ исповѣданію производитъ то, что подъ однимъ знаменемъ порою стоятъ люди совсѣмъ необъединенные, могутъ оказаться рядомъ стоящими два человѣка, изъ которыхъ одинъ—почти буддистъ, другой—почти православный. Цементомъ связывающимъ ихъ оказывается случайность происхожденія и условій жизни.

Такое явленіе возникло на западѣ вслѣдствіе эмансипаціи отъ догмы. У насъ образовалось нѣчто совершенно противоположное. Не смотря на то, что у насъ не встрѣтила себѣ сочувствія теорія развитія догматовъ, не смотря на то, что мы осуждали католиковъ и за *immaculata conceptio* и за непогрѣшимость папы, догматы у насъ расли. Такъ въ курсѣ догматическаго богословія митропол. Макарія мы не только находимъ догматъ о шестидневномъ твореніи міра, но и

нравственное приложение этого догмата (см. Т 1. 424 стр. Издан. 1868). Но кто и когда возвелъ въ догматъ пониманіе первой главы книги Бытія въ буквальномъ смыслѣ? Въ томъ же курсѣ утверждается, какъ догматъ, что внѣ церкви Христовой нѣтъ спасенія. Всѣ тексты, приводимые въ защиту этого тезиса, надо замѣтить, говорятъ о другомъ, о томъ, что нельзя спастись, если будешь противиться церкви. Но это не мѣшало книгѣ догматизировать идею гибели большей части человѣчества, и параграфъ книги, трактующей объ этомъ, значитъ обязательнымъ въ семинарской программѣ. Но когда и гдѣ установленъ церковью этотъ догматъ? Но относительно приведенныхъ положеній можно понять, какъ они установились, какъ имъ было придано догматическое значеніе. Понятно для насъ, что нельзя легкомысленно обращаться ни съ первою главою книги Бытія, ни съ вопросомъ о принадлежности къ церкви, какъ условіи спасенія. Спасеніе, вѣдь, и есть присоединеніе къ Церкви, ибо спасеніе есть соединеніе со Христомъ, который есть глава церкви. Легко понять, какъ мысль дошла до положенія, что актъ присоединенія къ церкви непременно долженъ совершиться на землѣ. Но у насъ догматизировались и догматизируются иныя положенія, связь которыхъ съ религіею выяснитъ очень трудно, но которыя случай связалъ съ религіею. На эти положенія у насъ воздвигались гоненія, и защитники ихъ—порою ревностные православные апологеты—терпѣли за нихъ въ самомъ прямомъ и грубомъ смыслѣ этого слова. Я укажу нѣкоторыя изъ этихъ положеній: 1) обитаемость міровъ. Я не сторонникъ и не противникъ этой обитаемости въ рѣшительномъ смыслѣ слова, болѣе склоняюсь къ воззрѣніямъ Уоллеса, что жизнь явилась лишь на землѣ, что земля есть въ нѣкоторомъ родѣ матеріальное средоточіе вселенной, хотя признаю, что аргументы Уоллеса не заключаютъ въ себѣ неотразимой силы убѣдительности. Но мое личное мнѣніе неважно. Важно принципиально рѣшить, имѣютъ ли какія-либо основанія блюстители и охранители вѣры предписывать вѣрующимъ какія бы то ни было рѣшенія относительно того, что дѣлается на поверхности Марса, Венеры или иныхъ еще болѣе отдаленныхъ мірахъ? Я не думаю, чтобы много нужно было думать, чтобы рѣшить, что блюстители вѣры не располагаютъ ни-

какимъ рѣшеніемъ этого вопроса. Научное изслѣдованіе можетъ помочь выяснитъ, какое положеніе занимаетъ человѣкъ во вселенной, научное изслѣдованіе можетъ помочь намъ понять и слова книги Бытія и псалмовъ о вселенной и человѣкѣ, но въ наше вѣроученіе не можетъ входить курсъ физической астрономіи. Однако у насъ смотрѣли и частію смотрятъ иначе, и я знаю случаи, когда церковная цензура своимъ авторитетомъ, не опирающимся ни на вѣру, ни на разумъ, ни на знанія, единымъ взмахомъ пера или вѣрнѣе движеніемъ ножницъ пыталась рѣшать вопросъ объ обитаемости міровъ въ отрицательномъ смыслѣ. 2) Вопросъ о происхожденіи жизни. Отъ насъ требовали, чтобы онъ рѣшался такъ: самозарожденія не существуетъ. Жизнь возникла сверхъестественнымъ образомъ. Можно показать, что вопросъ о происхожденіи жизни привлекался къ религиознымъ разсужденіямъ случайнымъ образомъ и трактовался очень различно. Для естественной человѣческой мысли вѣдь одинаково удобопріемлемо, что Господь создалъ законы, по которымъ существа происходятъ отъ родителей, какъ и то, что Господь создалъ законы, по которымъ, разъ неорганическіе элементы придутъ подъ воздѣйствіемъ тѣхъ или иныхъ условій въ извѣстное сочетаніе, возникаютъ организмы. Въ святоотеческій періодъ естественное самозарожденіе разсматривалось, какъ доказательство всемогущества Творца. Св. Василій Великій далъ свою санкцію ученію о произвольномъ зарожденіи. Въ своемъ знаменитомъ „шестиднѣвѣ“ слова книги Бытія: „да изведеть земля душу живу“ онъ истолковалъ слѣдующимъ образомъ „повелѣніе сіе соблюдалось въ землѣ и она не перестаетъ служить Создателю. Одно производится черезъ преемство существовавшего прежде, другое даже и нынѣ является живородящимся изъ самой земли. Ибо земля не только производитъ кузнечиковъ въ дождливое время и тысячи другихъ пернатыхъ носящихся по воздуху, изъ которыхъ большая часть по малости не имѣетъ и имени, но изъ себя же даетъ мышей и жабъ; около египетскихъ Оливъ, когда въ жары идетъ много дождя, вся страна вдругъ наполняется полевыми мышами. Видимъ, что угри образуются не иначе какъ изъ тины. Они размножаются не изъ яйца и не другимъ какимъ-либо способомъ, но изъ земли получаютъ свое происхожденіе“. Поэтическую

теорію происхожденія жизни предлагаетъ Кириллъ Александрійскій, объясняя рассказъ книги пророка Іоны о томъ, какъ „ранній“ червь подточилъ растеніе, подъ которымъ Іона укрывался отъ солнечнаго зноя. Св. Кириллъ говоритъ: „червемъ раннимъ называютъ гусеницу, потому что она получаетъ начало своего бытія изъ росы падающей предъ восходомъ солнца“ (Творенія св. Кирилла Александрійскаго ч. 10, стр. 53, 1897 г.). Такъ смотрѣли на дѣло до новыхъ вѣковъ. Въ новое время вопросъ этотъ связывается съ именемъ врача тосканскихъ герцоговъ Фердинанда III и Козмы III Франческо Реди. Въ 1668 году Реди сталъ изучать явленія зарожденія. До его времени всѣмъ было извѣстно, что въ мясѣ по мѣрѣ того, какъ оно портится, заводятся черви. Реди захотѣлъ посмотрѣть на это мясо повнимательнѣе, онъ увидѣлъ что прежде, чѣмъ въ немъ появились черви, его постоянно облѣпляли мухи и на немъ роились тогда у него явилась мысль, что черви мяса представляютъ собою недоразвившихся личинокъ мухъ. Онъ провѣрилъ свое предположеніе опытомъ, кусокъ свѣжаго мяса былъ имъ положенъ въ стаканъ, и стаканъ плотно закрытъ бумагой, мясо стало гнить, но червей въ немъ не появлялось, между тѣмъ кусокъ мяса положенный въ открытый стаканъ, черезъ короткое время кишѣлъ червями. Реди пошелъ далѣе, онъ замѣнилъ бумагу прикрывавшую мясо тонкой и рѣдкой тканью, запахъ мяса сталъ привлекать мухъ, онѣ слетались на стаканъ, клали на ткань яички, но яички вслѣдствіе малости отверстій ткани не могли попасть на мясо, и черви появились поверхъ ткани, между тѣмъ, какъ на мясѣ ихъ попрежнему не было. Реди тогда объявилъ, что организмы не происходятъ сами собою, но отъ организмовъ; Реди обвинили въ безбожїи. Теперь въ безбожїи обвиняють противниковъ Реди. Но изъ самой исторїи вопроса должно бы было научиться, что у насъ нѣтъ средствъ связать необходимою связью вопросъ о Богѣ и о самозарожденїи, и поэтому должна быть представлена полная свобода въ его обсужденїи. 3) Вопросъ о происхожденїи видовъ. Его нужно было рѣшать такъ, что Богъ произвелъ виды, что природа не измѣняетъ видовъ, и виды не возникаютъ вновь. Но гдѣ въ Божественномъ Откровенїи говорится, что виды не возникаютъ вновь, гдѣ Божественное откровеніе опредѣ-

ляетъ естественно-научное понятіе „вида“, когда, гдѣ и какъ учила церковь о происхожденіи видовъ? 4) На геологію налагалось *veto in toto*. На своемъ собственномъ магистерскомъ диспутѣ я услышалъ отъ своего оппонента, что эта наука можетъ импонировать только 18-лѣтнимъ юношамъ (замѣчу, наоборотъ, трудно начинать изученіе этой науки ранѣе 18-лѣтняго возраста), и много лѣтъ спустя я получилъ однажды изъ Петербурга корректурные листы своего трактата о геологіи и Библии вырѣзанными изъ книги рукою цензора. Конечно, всякій вѣрующій долженъ признать, что изученіе природы должно происходить въ духѣ вѣры. *Въ духъ*. Но опытъ вѣковъ уже показалъ, что нельзя построить а priori концепціи природы на основаніи *буквы* Писанія. Для изученія природы нужны наблюденія и опыты, но чтобы ихъ производить разумно, нужны предположенія и гипотезы. Войдите вы въ положеніе вѣрующаго натуралиста, онъ размышляетъ о происхожденіи мѣловыхъ отложений гдѣ-нибудь на западѣ Франціи. Ему предносится какъ весьма правдоподобная мысль, что въ теченіе сотенъ тысячелѣтій здѣсь мѣль образовывался, какъ скорлупа фораминиферъ, ему кажется яснымъ процессъ возникновенія и роста мѣловыхъ утесовъ. Но ему говорятъ, что мыслить объ этихъ сотняхъ тысячелѣтій грѣхъ. „Той рече и быша“. Въ изученіи законовъ природы и разумности природныхъ процессовъ натуралисты и въ частности геологи видятъ доказательство, что Разумъ управляетъ міромъ, что въ мірѣ все устроено мѣрою, вѣсомъ и числомъ. Я могу указать многихъ натуралистовъ такъ рассуждающихъ. А имъ служители церкви говорятъ: „никакого разума здѣсь нѣтъ, никакіе законы природы здѣсь не осуществлялись, никакихъ процессовъ здѣсь не происходило, сказалъ Господь, и стало. Всѣ вѣрящіе въ Бога конечно вѣрятъ въ Бога всемогущаго и премудраго, но созданный по образу и подобию Божію человекъ долженъ самъ по возможности уразумѣвать премудрость Божію. При свѣтѣ вѣры міръ долженъ изучаться, но человекъ не дано свыше полнаго знанія о мірѣ, въ содержаніе вѣры не входитъ геологія, какъ не входитъ и физическая астрономія, и то обстоятельство, что у насъ всю сферу міровѣдѣнія хотѣли выяснитъ изъ принциповъ религіи, принесло много вреда религіи и, понятно, никакой пользы міровѣдѣнію.

Какъ на основаніи религіознаго ученія у насъ разрѣшали научныя проблемы и требовали безусловнаго признанія истинными этихъ своеобразныхъ рѣшеній, такъ на основаніи религіознаго ученія у насъ рѣшили всѣ проблемы государственныя, политическія, соціальныя, экономическія, семейныя. Сущность всѣхъ этихъ рѣшеній утверждавшихся будто бы на религіозномъ базисѣ проста до наивности. Исторически сложившіеся у насъ порядки и отношенія были догматизированы. Гражданскимъ законамъ былъ приданъ характеръ религіозныхъ требованій, юридическія нормы были отождествлены съ нормами нравственными. Противящійся порядку разсматривался какъ сопротивляющійся Божественному поставленію, при чемъ дѣлался не тотъ выводъ, что человѣкъ, противящійся Богу и отвѣтствененъ только передъ Богомъ, а совершенно обратный и едва ли вытекающій изъ какихъ бы то ни было логическихъ основаній, что дѣла религіозной совѣсти должны, какъ и всякія человѣческія дѣла, подлежать человѣческому суду.

Я знаю одинъ указъ, по которому священникъ былъ оштрафованъ на 10 руб. за то, что онъ не всегда являетъ собою образъ добраго пастыря. Преступленія никакого. Священникъ по отношенію къ своимъ должникамъ не проявилъ того великодушія, къ которому призываетъ Евангеліе. Священникъ конечно не былъ идеальнымъ пастыремъ, но развѣ можно штрафовать человѣка за то, что онъ не осуществилъ идеала? Не напоминаетъ ли даже эта цѣна добраго пастыря 10 р. евангельскіе тридцать сребренниковъ? Штрафовать можно лишь за нарушение закона. У насъ хотѣли всю жизнь человѣка, всю его дѣятельность, всѣ его мысли регламентировать религіозными постановленіями, и беззаботно подвергали уголовной карѣ, цитируя, какъ аргументъ посланіе къ Галатамъ.

Безспорно религія должна опредѣлять и опредѣляетъ всю жизнь религіознаго человѣка. Натуралистъ вѣрующій и натуралистъ невѣрующій смотрять совершенно различными глазами на природу, хотя могутъ приходиться къ тождественнымъ выводамъ относительно ея законовъ. Политическій дѣятель, вѣрящій въ Провидѣніе, и политическій дѣятель, видящій въ исторіи лишь игру страстей и случая, совершенно различно понимаютъ и оцѣнивають событія и однако могутъ дѣйствовать совершенно согласно, Религія должна

быть всё́мъ для человѣка, должна охватывать всего человека. Она опредѣляетъ настроенность человека. Но религія не даетъ и не можетъ дать человеку рѣшенія всё́хъ практическихъ вопросовъ. Два одинаково религіозные человека могутъ имѣть совершенно различные политическіе взгляды и приходиться къ противоположнымъ научнымъ гипотезамъ. Но такъ какъ одна изъ этихъ гипотезъ признавалась согласно съ религіей, а другая—противоположною религіи, то одинъ изъ ученыхъ оказывался еретикомъ. Еретикъ у насъ нерѣдко трактовался гораздо болѣе сурово, чѣмъ воръ и убійца. Владимиру Соловьеву грозили нѣкоторое время очень невеселыя перспективы, между тѣмъ несомнѣнно онъ былъ очень религіозенъ, искренно желалъ быть православнымъ и въ его сочиненіяхъ нѣтъ ни одного тезиса, относительно котораго можно сказать, что онъ осужденъ церковью.

Христіанская религія есть религія духа и свободы, но когда ее преобразуютъ такъ, что она регламентируетъ всю вашу жизнь, скрупулезно опредѣляетъ весь образъ вашего поведенія, всё отношенія ваши къ различнымъ чинамъ и лицамъ, когда она предписываетъ вамъ рѣшать вопросы, о которыхъ вы только начали думать, непременно такимъ то и такимъ то образомъ, она становится религіей рабства, и неудивительно, что отъ нея могутъ отречься многіе хорошие люди и что подъ покровомъ ея будутъ вить гнѣзда лицемеріе, корысть, тщеславіе. Я знаю, что есть много искренно вѣрующихъ людей, которые принимаютъ всё религіозныя рѣшенія нерелигіозныхъ вопросовъ, какъ истину и добро; я знаю другой рядъ искренно религіозныхъ людей, для совѣсти которыхъ эти рѣшенія представляютъ тяжелое испытаніе, но несомнѣннымъ остается, что стремленіе къ религіозному рѣшенію того, что нерелигіозно, порождаетъ два факта: удаленіе изъ церкви братьевъ добрыхъ и проникновеніе въ церковь лжебратіи.

Я думаю, что здѣсь между прочимъ кроется причина и того, почему въ странѣ съ 130 милліонами населенія обнаруживается такое слабое тяготѣніе къ богословскому образованію. Говорятъ, что въ средніе вѣка въ западной Европѣ былъ гнетъ религіозной мысли, было отсутствіе свободнаго рѣшенія проблемъ. За мнѣнія считавшіяся еретическими тогда сжигали. Это—правда, но надо замѣтить, сжигали

обыкновенно послѣ публичныхъ диспутовъ, послѣ опубликованія идей, которыя потомъ провозглашались преступными. Зарева ужасныхъ костровъ, освѣщающія мракъ средневѣковья отъ Абеяра до Джордано Бруно, показываютъ намъ, что тамъ мысли давали родиться и высказаться, а не душили ее въ потемкахъ такъ, чтобы она осталась никому неизвѣстною.

Не будемъ сомнѣваться въ томъ, что догматизація случайныхъ мнѣній и религіозная регламентація нерелигіозныхъ дѣйствій совершались частію безсознательно, частію по добрымъ побужденіямъ. Но несомнѣнно, они принесли зло и это зло для блага церкви и вѣрующихъ должно быть устранено. Обладая такимъ сложнымъ вѣрученіемъ, которое рѣшаетъ самые разнообразные вопросы жизни и знанія, мы на самомъ дѣлѣ не владемъ краткимъ исповѣданіемъ православной вѣры, написаннымъ современнымъ языкомъ и дающимъ отвѣты на современные запросы и недоумѣнія. Истины православія вѣчны, но люди не вѣчны, они живутъ не долго и они мѣняются, люди 8-го вѣка совсѣмъ иначе понимали исповѣданіе вѣры, чѣмъ люди двадцатаго вѣка, у нихъ были инья недоумѣнія, имъ казалось яснымъ многое, что для насъ утратило ясность, и ихъ смущало, что насъ не волнуетъ. Вотъ почему, думаю, церковь въ каждую эпоху должна бы была давать краткое руководящее наставленіе къ вѣрѣ. Не въ два и не въ пять томовъ должно быть заключено такое наставленіе, а по возможности въ малый объемъ, и не однимъ лицомъ должно быть составлено оно, а коллективно, и затѣмъ должно быть рассмотрѣно и оцѣнено тоже собраніемъ многихъ. Разумѣется, именно на богословской школѣ или на богословскихъ школахъ лежитъ задача составленія такого исповѣданія. Такое исповѣданіе для православнаго было бы критеріемъ, съ которымъ онъ бы свѣрялъ свои предположенія. Такое исповѣданіе было бы и вѣдшимъ критеріемъ, рѣшающимъ вопросъ о позволительности мнѣній, вопросъ, который доселѣ рѣшался совершенно произвольно.

Я знаю, что нѣкоторымъ мысль о составленіи такого исповѣданія покажется опасною, имъ почувствуется въ немъ религіозная диктатура, давленіе на совѣсть, тормазъ. Но вѣдь, православіе должно же характеризоваться какими нибудь

чертами. Теперь мы имѣемъ такое сложное исповѣданіе, объемяющее нашу жизнь, которое требуетъ отъ насъ опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, извѣстныхъ астрономическихъ представленій. Большая часть православныхъ этого исповѣданія не знаетъ, большая часть это исповѣданіе отрицаетъ. Это—въ области теоріи. Въ области права мы имѣемъ дѣйствующие законы, которые не исполняются и нарушаются постоянно. Положимъ, праведнику законъ не лежитъ. Но вѣдь, мы не праведники, и мы хотѣли бы имѣть такое дѣйствующее право, которое мы бы понимали, которое могло бы осуществляться и осуществлялось.

Наконецъ, въ области практики мы имѣемъ церковный уставъ, который для большинства православныхъ людей абсолютно невыполнимъ. Благочестивѣйшій профессоръ нашей академіи Д. Ѡ. Голубинскій, вся жизнь котораго была осуществленіемъ религиозныхъ постановленій, жаловался, что не можетъ выполнять устава, и многократно поднималъ вопросъ о его смягченіи. Я не встрѣчалъ людей болѣе религиозныхъ, чѣмъ онъ; поэтому думаю, что я не встрѣчалъ исполнителей устава. Мы имѣемъ такимъ образомъ передъ собою собраніе мертвыхъ буквъ, предписывающихъ намъ жить такъ, какъ мы не можемъ жить, и мыслить такъ, какъ мы, будучи православными, не можемъ мыслить. Но такъ не должно быть. Нужно согласовать нашу совѣсть съ закономъ и нашу мысль съ нашей вѣрой. Мы—православны. Какіе существенные, неотъемлемые признаки православія, во имя чего объединены мы и противопоставаемъ себя протестантамъ и католикамъ?

Формула объединенія есть догматъ. Чѣмъ менѣе такихъ формулъ заключаетъ религія и чѣмъ болѣе обще ихъ содержаніе, тѣмъ болѣе возможно объединеніе. Но какой смыслъ этого объединенія? Если при такомъ объединеніи возможны различные взгляды на міръ, на процессъ міровой жизни, его окончательный исходъ, на наше участіе въ этомъ процессѣ, если при этомъ объединеніи у меня съ людьми одной мнѣ вѣры различны взгляды на цѣли, которыя я долженъ преслѣдовать, и на средства, которыми я долженъ ихъ достигать, то въ чемъ же наше объединеніе? Объединяютъ людей цѣли и принципы, опредѣляющіе цѣли, т. е. догматы и опредѣляемая ими дѣятельность. Чѣмъ больше

догматовъ исповѣдуетъ извѣстное общество, тѣмъ должно быть тѣснѣе его единеніе. Идеаль всякой науки, положимъ, физики состоитъ въ томъ, чтобы дать возможно полное ученія о своемъ предметѣ и возможно безспорное. Чѣмъ больше будетъ догматовъ въ физикѣ, исторіи, тѣмъ лучше для человѣчества. Догматы—это идеалы, къ которымъ нужно стремиться, а не пугала, отъ которыхъ нужно бѣжать. Конечно, догматы для того, чтобы быть желательными, должны быть истинными. Пусть изслѣдуютъ истинность догматовъ. Но аргюи ратовать противъ догматизма, какъ это дѣлается многими писателями и на Руси, то же самое, что ратовать противъ всякихъ научныхъ пріобрѣтеній. Говорятъ, догматы стѣсняютъ свободу мысли, но то же самое можно сказать о всякой истинѣ. Развѣ положеніе: сила свѣта обратно пропорціональна квадрату разстоянія, не стѣсняетъ свободы мысли? Мысль хотѣла бы предположить простую пропорціональность или придумать что-либо еще, но формула физики совершенно уничтожаетъ имѣвшуюся раньше въ ея распоряженіи безконечную сферу предположеній. Въ этомъ смыслѣ всякій фактъ, всякое открытіе стѣсняетъ свободу мысли, потому что дѣлаетъ невозможнымъ множество предположеній. Но на самомъ дѣлѣ у людей разумныхъ они не стѣсняютъ мысли, а даютъ мысли основанія для новыхъ и правильныхъ выводовъ. Таково теоретическое значеніе догматовъ. Если они истины, они плодотворны. Если они ложны, то какъ и ложныя научныя теоріи и ошибочно понятыя факты, они приведутъ къ новымъ заблужденіямъ и ошибкамъ. Бездогматизмъ есть безсодержательность. Онъ не вреденъ, потому что небытіе не можетъ быть вреднымъ, бездогматизмъ есть проповѣдь незнанія, но человѣчество ищетъ знанія, ищетъ истины.

Я говорилъ, что на западѣ мы часто встрѣчаемъ бездогматизмъ. Люди какъ бы объединяются въ вѣрѣ въ извѣстные догматы, но на самомъ дѣлѣ относятся къ нимъ совершенно свободно. Но сущность дѣла тамъ въ томъ, что ихъ объединяютъ не догматы, а нѣчто другое. Единство традиціонныхъ формъ жизни, единство культа, единство благочестивой настроенности, общія задачи, даже общая ненависть. Но единственно прочное единеніе есть то, которое утверждается на единствѣ принциповъ. Пусть эти единые рели-

гіозные принципы будутъ соединяться съ различными политическими убѣжденіями и научными взглядами, одинаковое пониманіе общихъ высшихъ благъ, одни и тѣ же высшія цѣли, если они дѣйствительно будутъ одушевлять вѣрующихъ, сдѣлаютъ то, что у нихъ будетъ одно сердце и одна душа. Теперь у насъ произошло нѣчто подобное тому, что нѣкогда по повѣствованію Библии случилось въ Ветхомъ Завѣтѣ. „Надавъ и Авіудъ, сыны Аароновы, взяли каждый свою кадильницу, и положили въ нихъ огня, и вложили въ него куреній, и принесли предъ Господа огонь чуждый, котораго Онъ не велѣлъ имъ, и вышелъ огонь отъ Господа и сжегъ ихъ, и умерли они предъ лицемъ Господнимъ“ (Лев. X, 1—2). Многое чуждое привнесено теперь и въ нашу вѣру, но наша слабая вѣра дѣлаетъ насъ недостойными того, чтобы Господь поражалъ огнемъ тѣхъ, которые пытаются извращать эту вѣру. Однако, мы должны ревновать о томъ, чтобы не дѣлать въ нее привнесеній чуждыхъ. Если наше исповѣданіе будетъ неполно—это не бѣда. Христіане первыхъ вѣковъ не имѣли широкихъ трактатовъ о вѣрѣ, но если наше исповѣданіе будетъ извращено, это будетъ всегда приносить глубокой вредъ, горе и даже страданія отдѣльнымъ лицамъ.

Въ божественномъ Откровеніи мы имѣемъ два ряда наставленій относительно вѣры и жизни по вѣрѣ. Во первыхъ—запрещается налагать на людей бремена тяжкія и неудобноносимыя. Такъ опредѣляетъ апостольскій соборъ. Такъ учитъ апостоль Павелъ. Мало этого. Даже даются наставленія снисходять къ немощному брату. Во вторыхъ,—Апостоль говоритъ: „если мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѣма“ (Галат. 1, 8). Истина неизмѣнна и вѣчна, но не всегда оказывается плодотворнымъ разложеніе истины на множество выводныхъ тезисовъ и заповѣдей. Существо нашей вѣры—Богочеловѣчество Христа и соединеніе со Христомъ и его святыми въ Богѣ, (да всѣ едино будутъ), существо одинаково чувствуемое сердцемъ, какъ блаженство, и усвояемое умомъ, какъ истина, это существо нужно и усвоить и выяснять, но результаты и выводы этихъ разъясненій нельзя спѣшить навязывать всѣмъ какъ обязательныя.

Намъ нужно составить исповѣданіе вѣры—нужно для образованныхъ и ученыхъ сыновъ православной церкви, которые имѣютъ не только право знать, но имѣютъ право требовать, чтобы представители богословской науки изложили имъ вѣроученіе въ отношеніи къ современному пониманію вещей, современнымъ запросамъ, современнымъ тезисамъ науки. Намъ нужно исповѣданіе, чтобы инославные христіане знали, что мы исповѣдуемъ и отрицаемъ. Намъ нужно это исповѣданіе, какъ руководящее начало въ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ вѣроученія, въ нашихъ теоретическихъ богословскихъ изысканіяхъ. Намъ нужно это исповѣданіе для насъ самихъ, для нашей совѣсти. Общими усиліями богослововъ при благословеніи церкви должно быть составлено оно. Но какъ не должно его дѣлать очень широкимъ, такъ его не должно дѣлать очень рѣшительнымъ. Есть не мало очень важныхъ вопросовъ, по которымъ трудно произнести рѣшительное сужденіе. Укажу на одинъ такой—на вопросъ о богодуховенности Св. Писанія. Для православнаго все Писаніе богодуховенно, историческія и естественно-научныя сообщенія Библии написаны также подъ воздѣйствіемъ Св. Духа, какъ и догматическія положенія и нравственныя заповѣди. Кромѣ свидѣтельства духа, кромѣ теоретическихъ соображеній о невозможности разграничить историческій и догматическій элементы въ Библии, я думаю можно привести много и чисто научныхъ соображеній въ доказательство истинности библейскихъ повѣствованій. Но за всѣмъ тѣмъ какъ точно опредѣлить, что такое богодуховенность. Человѣческій элементъ въ Библии великъ. Библия написана на языкѣ человѣческомъ, языкѣ несовершенномъ, неустойчивомъ, измѣняющемся. Божественная мысль въ Библии изложена человѣческимъ языкомъ не только націи, эпохи, но языкомъ индивидуума—языкомъ Исаи, Іереміи, Павла, Іоанна. Опредѣленіе богодуховенности должно свестись къ тому, чтобы разграничить въ Библии божественный и человѣческій факторы. Разрушительная работа людей по отношенію къ Библии—порча текста, интерполяціи—понятна; поскольку богодуховенные писатели вносили въ Библию свое положительное, опредѣлить это вполнѣ едва ли возможно, и думаю, что не будетъ ничего постыднаго сознаться въ неумѣнны дать полное опредѣленіе того чудес-

наго факта, который называется Божественнымъ Откровеніемъ.

Вмѣстѣ съ исповѣданіемъ вѣры намъ нужны церковныя законы и устройство церкви на основаніи этихъ законовъ. У насъ говорятъ о преобразованіи церкви на строго каноническихъ началахъ. Возможно ли такое преобразование? Позволительно думать, что намѣчаемая задача по своей трудности нисколько нелегче задачи о квадратурѣ круга. Каноны—не догматы, они отмѣнялись и измѣнялись, они—продуктъ опыта, руководящая норма, которую однако обстоятельства могутъ заставить замѣнить другою болѣе подходящею къ современнымъ условіямъ. Реформа церкви, думается, должна совершаться иначе. Церковь, какъ правовое учрежденіе, должна преобразовываться непрерывно и постепенно вслѣдствіе все большаго и большаго проникновенія христіанскихъ началъ въ сознаніе ея членовъ. Церковь XX вѣка не можетъ быть тождественна по своему устройству съ церковью при Иванѣ IV или при Владимірѣ. Церковь не можетъ сейчасъ ввести требованія, чтобы каждый роздалъ все свое имущество бѣднымъ, но церковь можетъ сейчасъ ввести нѣкоторыя обязательныя нравственныя требованія, которыя казались недопустимыми людямъ XVI вѣка. Историческую воинствующую церковь Духъ Божій проникаетъ постепенно, и сообразно съ этимъ она должна преобразовываться въ своихъ внѣшнихъ формахъ.

Намъ нуженъ и церковный уставъ. Разнообразіе условій жизни дѣлаетъ невозможнымъ созданіе однообразнаго устава для всѣхъ. Это необходимо имѣть въ виду. Историческія навыки вырабатываютъ въ человѣкѣ привычки къ тѣмъ или инымъ обрядамъ, къ той или иной продолжительности священнодѣйствій, къ такому или иному образу жизни согласному съ требованіями культа. Россія велика, и въ ней неизбежно нѣкоторое разнообразіе культа и религіознаго домашняго порядка жизни.

Разнообразіе обрядовъ, конечно, не страшно, напротивъ разнообразіе формъ Богопочтенія есть выраженіе стремленія ограниченныхъ людей возможно полнѣе и глубже прославить Бога. Различныя формы дополняютъ одна другую. Страшно, что возникаютъ разногласія въ иномъ—въ вопросахъ вѣры, въ пониманіи истины. Что дѣлать? Апостоль

Павель сказалъ: „надлежитъ быть и разномысліамъ между вами, дабы открылись между вами искусные“ (1 Коринѣ. XI, 19). Разномыслія неизбѣжны, неизбѣжны и ереси, какъ неизбѣжны всякіе грѣхи въ мірѣ, который лежитъ во злѣ. Самый неразумный способъ борьбы съ ересями представляютъ собою попытки подавлять ихъ насильственнымъ путемъ. Нѣтъ, если въ насъ нѣтъ силы духа для того, чтобы убѣдить заблуждающагося, намъ не поможетъ грубая сила. „Довольно для тебя благодати моей“—говорилъ Господь апостолу (2 Коринѣ. XII, 9), молившему не о томъ, чтобы ему была дана внѣшняя помощь для успѣха проповѣди, а лишь о томъ, чтобы отъ него отступилъ пакостникъ плоти, мѣшавшій дѣлу проповѣданія. Успѣхъ религіозной проповѣди обуславливается тѣмъ реально добрымъ, что есть въ учителѣ, и тѣмъ потенциально добрымъ, что есть въ ученикѣ. Всякое насиліе отвѣтъ заглушаетъ доброе въ ученикѣ и ослабляетъ доброе въ учителѣ.

Представители и носители вѣры у насъ въ настоящее время нерѣдко выражаютъ смущеніе и страхъ предъ духомъ невѣрія будто бы царствующемъ въ современномъ обществѣ. Позволительно думать, что это смущеніе и страхъ предъ невѣріемъ есть дѣло маловѣрія. Какъ можетъ смущаться невѣрія человекъ имѣющій крѣпкую вѣру? Человекъ, принимающій въ себя Христа въ таинствѣ Евхаристіи, какъ можетъ бояться за Христа? Какъ его могутъ смущать атеистическіе ропотъ и болтовня тысячъ, даже десятковъ тысячъ людей, когда онъ знаетъ, что Христосъ можетъ всегда послать легіоны ангеловъ и отъ этихъ атеистовъ не останется никакого воспоминанія. Можетъ быть скажутъ, что смущеніе есть слѣдствіе скорби о невѣрующихъ братьяхъ—нѣтъ, не замѣтно этого. Негодованіе по отношенію къ невѣрующимъ у смущающихся не заключаетъ въ себѣ духа любви. Думаю, что фактъ невѣрія является сильнымъ искушеніемъ для ихъ собственной вѣры.

Не будемъ смущаться вслѣдствіе существованія невѣрія и иновѣрія. Невѣріе по существу есть самое слабое и безпомощное направленіе мысли; иновѣріе, конечно сильнѣе. Но вѣдь, въ борьбѣ съ иновѣріемъ истинная вѣра имѣетъ то безцѣнное преимущество, что ей помогаетъ безконечная сила Божія, но помогаетъ, конечно, не въ безконечной мѣрѣ.

а въ той, какой заслуживаютъ или вѣрнѣе—какая доступна для защитниковъ этой вѣры. Если чего уже нужно смущаться, если что глубоко вредитъ церкви, то во всякомъ случаѣ не то, что находятся внѣ ея—невѣріе и иновѣріе, а то, что есть печальнаго и преступнаго въ самой церкви—поддѣлки, моральное извращеніе ученія Христа. А въ этомъ отношеніи на Руси дѣло доходитъ до ужасныхъ явленій. Въ текущемъ году въ петербургскомъ изданіи мы читали проектъ, какъ сдѣлать для семинаристовъ *физически невозможнымъ* поступленіе въ университеты и какъ *насильно* вербовать въ пастыри людей вовсе не желающихъ быть ими ⁴⁾. Ректоръ томской семинаріи предлагалъ осуждать на принудительныя, т. е. слѣдовательно на каторжныя работы честныхъ и благородныхъ юношей, искренно желающихъ учиться и служить благу своей родины на различныхъ поприщахъ. Я называю этотъ проектъ разбойничьимъ, но не думаю, чтобы даже разбойничья совѣсть одобрила его. А между тѣмъ этотъ проектъ предлагался *ad maiorem Dei gloriam*, онъ указывалъ, какъ наберовать нужное количество пастырей для православной паствы, для православной церкви. И мы отлично знаемъ, что есть не мало Малють Скуратовыхъ готовыхъ предложить свои услуги для осуществленія подобныхъ проектовъ. Приходится думать, что всѣ эти дѣятели съ спокойною совѣстью готовы предстать на судъ Господень и сказать: „Господи! не отъ твоего ли имени мы пророчествовали?“ и они не думаютъ, что могутъ услышать въ отвѣтъ: „Я никогда не зналъ васъ: отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконіе“ (Мѡ. VII, 22, 23).

Есть въ нагорной бесѣдѣ одна заповѣдь Христова, и я не встрѣчалъ доселѣ ни одного атеиста, который не призналъ бы ее обязательною для себя. Читается эта заповѣдь такъ: „во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки“ (Мѡ. VII, 12). Правда этой великой евангельской заповѣди издревле чувствовалась человѣчествомъ. Въ ветхомъ завѣтѣ Товитъ въ наставленіе сыну Товіи сказалъ: „что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому“ (Тов. IV, 15).

⁴⁾ Протоіер. І. Панормова-Правильное рѣшеніе важнаго вопроса. Церковн. Вѣстн. 1905, № 5.

Эти слова въ латинскомъ переводѣ „*Quod tibi fieri non vis, alteri non feceris*“ получили широкое распространеніе, и императоръ Александръ Северъ приказалъ написать ихъ на своемъ дворцѣ и на другихъ общественныхъ зданіяхъ. Мы находимъ подобную мысль въ древней Греціи: Исократъ сказалъ: „если что-либо, будучи вамъ причинено, васъ сердить, не дѣлайте этого другимъ“. Углубляясь далѣе въ древность, мы находимъ у Конфуція слѣдующее изреченіе: „въ пути высшаго человѣка есть четыре вещи, изъ которыхъ я до сихъ поръ не достигъ ни одной, а именно: служить отцу такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой сынъ служилъ мнѣ; служить государю такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой слуга угождалъ мнѣ; служить старшему брату такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы мой младшій братъ служилъ мнѣ; поступать съ другомъ такъ, какъ я хотѣлъ бы, чтобы онъ поступалъ со мной“. Евангеліе дало Божественную санкцію и утвердило всеобщую обязательность нравственнаго требованія, правда котораго уже была исповѣдана лучшими людьми древности. Эту правду признаютъ невѣрующіе люди, но глубоко вѣрующіе о.о. ректоры, конечно нисколько не желающіе, чтобы карьерамъ ихъ дѣтей ставились физическія преграды, не хотятъ знать ни естественнаго нравственнаго закона, ни Божественнаго закона евангельскаго. Нужно ли объяснять, что всякій скромный послѣдователь Конфуція въ Манджуріи или Корей гораздо болѣе христіанинъ, чѣмъ цитированный нами ректоръ. Но не будемъ смущаться, ибо если нагорная проповѣдь и неизвѣстна нѣкоторымъ начальникамъ русскихъ духовно-учебныхъ заведеній, она извѣстна всему образованному міру, какъ вѣрующимъ такъ и невѣрующимъ. Въ культурныхъ государствахъ приведенная заповѣдь принята, какъ аксіома нравственной жизни, даже какъ политическая догма. А разъ великая заповѣдь Христова признается міромъ хотя въ теоріи, значить, служителямъ Христовымъ открыто благодарное и широкое поле для дѣятельности. Было бы въ высшей степени важнымъ, чтобы былъ поднятъ умственный уровень, а вмѣстѣ и нравственное развитіе и русскаго народа. Какъ бы не идеализировали его, теперь онъ стихійная сила и разсуждающимъ о его высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ качествахъ приходится съ безпокойствомъ слѣдить, какъ бы эта сила не

устремилась на разрушеніе. Образованіе отниметь признакъ стихійности у этой силы и сдѣлаеть ее болѣе способною воспринимать призывы разума и нравственныя увѣщанія. Образованіе есть великое благодѣтельное условіе для христіанской проповѣди и то, что теперь о немъ проявляютъ серьезную заботу, должно глубоко радовать всѣхъ тѣхъ, на комъ лежитъ или кто хочетъ взять на себя заботу спеціально о религіозномъ образованіи.

Есть еще и другое обстоятельство, которое даетъ свѣтлыя надежды лицамъ заботящимся о выясненіи и утвержденіи христіанской истины среди русскихъ людей. Когда нѣкое дыханіе проявилось въ нашей церкви, когда поднялся вопросъ о реформахъ и преобразованіяхъ, мы съ чувствомъ отрады и не безъ удивленія увидѣли, что тѣ органы печати и тѣ общественные союзы, которые повидимому порвали съ церковью и забыли о ней, начали тоже говорить о церковныхъ вопросахъ. Намъ скажутъ, что многіе изъ нихъ разсуждаютъ неправославно, неосновательно, обнаруживаютъ полнѣйшее незнаніе дѣла. Пусть такъ, но они обнаруживаютъ интересъ къ дѣлу, которое для насъ есть самое дорогое и относительно котораго мы думали, что оно для нихъ не имѣетъ никакого значенія. Тамъ, гдѣ мы предполагали религіозную смерть, на самомъ дѣлѣ оказалось лишь религіозное отчужденіе отъ церкви, дѣятелямъ которой не стали довѣрять. Такъ оказалось, что и тѣ общественные слои, которые были признаны уже безнадежными, готовы слушать, что предложить имъ наставники вѣры. Разумѣется обольщаться относительно возможности рѣшительнаго поворота этихъ общественныхъ слоевъ къ церкви нельзя, но возможенъ поворотъ со стороны нѣкоторыхъ и возможно улучшеніе отношеній со всѣми.

Въ высшей степени важно то, что въ самой церкви повѣяло дыханіемъ духа. Возникли вопросы, о которыхъ какъ будто никто и не думалъ ранѣе, какъ лучше устроить жизнь церкви, какъ создать благопріятнѣйшія условія для развитія религіозной жизни? Въ церкви происходитъ движеніе. Въ такіе моменты дѣятели честные и умѣлые могутъ принести особенно много пользы. Вы вступаете въ академію въ такой важный моментъ.

Люди служатъ церкви двоякимъ образомъ. Одни, принявъ

исповѣданіе вѣры, воплощаютъ его въ добродѣтели, въ святости. Своимъ святымъ образомъ жизни они привлекаютъ къ себѣ сердца и души людей. Но добродѣтели никто не можетъ дать человѣку кромѣ воли самого человѣка и Божественной благодати. Тѣ, которые создаютъ уставы школъ и думаютъ о насажденіи въ этихъ школахъ добродѣтели, должны помнить, что если бы Сенека менѣе усердно заботился о добродѣтели Нерона, то изъ него можетъ быть и не вышло бы Нерона. По моимъ личнымъ наблюденіямъ религіозность и вѣра въ нашихъ духовныхъ школахъ значительно понизились въ послѣдніе двадцать лѣтъ, а именно въ эти двадцать лѣтъ былъ установленъ рядъ искусственныхъ мѣръ для повышенія религіозности. Школа не должна питать никакихъ иллюзій относительно возможности сдѣлать изъ своихъ питомцевъ праведниковъ, и можно только съ увѣренностью сказать, что разъ такія иллюзіи исчезнутъ, питомцы несомнѣнно станутъ лучше и праведнѣе. Дѣло школы — наука. Задача нашей школы состоитъ въ томъ, чтобы показать теоритическую истинность и практическую полезность нашей вѣры. Задача очень нелегкая для вѣрующаго и ученаго богослова, но задача возвышенная и святая.

Еще и теперь повидимому нѣкоторыхъ прельщаетъ несчастная мысль понизить уровень образованія священниковъ, ограничить дѣло обученія ихъ выучкой требоисправленія. Убѣдившись, что они не могутъ дать семинаристамъ добродѣтели, эти люди рѣшили лишить ихъ знанія. Если эту мысль осуществить, то черезъ два десятилѣтія (несомнѣнно народное образованіе пойдетъ теперь быстро) мы будемъ имѣть, что каждый сапожникъ въ религіозно-философскихъ спорахъ будетъ побивать своего пастыря. Я думаю, что врагъ рода человѣческаго подсказалъ и внушилъ эту мысль о ненужности общаго образованія для пастырей.

Наша сила—въ нашемъ знаніи. И теперь, когда на ряду съ общимъ движеніемъ нашу страну охватило и движеніе религіозное, церковь особенно нуждается въ знающихъ богословахъ. „Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ. Жнущій получаетъ награду и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную, такъ что и сѣющій и жнущій вмѣстѣ радоваться будутъ. Ибо въ этомъ случаѣ справедливо изреченіе: одинъ сѣетъ, а другой жнетъ“

(Иоан. IV, 35—37) Отраднo быть жнущимъ. Но жатва многа, а дѣлателей мало. Обширная нива Христа нуждается во множествѣ работниковъ. Избраніе вами духовной академіи для довершенія образованія показываетъ, что вы рѣшили восполнить собою ряды работниковъ на нивѣ Христовой.

Да будетъ благословенъ Вашъ приходъ къ намъ.

С. Глаголевъ.
